

Представления о судьбе в донской народной культуре

(На материале, собранном в Усть-Донецком районе)

Ефимова Н.А.

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Данная статья посвящена исследованию представлений о женской судьбе в донской народной культуре.

Материалом для статьи послужили девичьи гадания, собранные в 2001 г., ст. Раздорской, хуторах Каныгине и Крымском Усть-Донецкого района Ростовской области. В статье будет уделено внимание общим представлениям о судьбе по данным разных обрядов, разграничению понятий «судьба» и «доля» и особенностям женской доли, проявляющимся в гаданиях.

Тема судьбы активно разрабатывается в настоящее время специалистами не только этнолингвистики, но и синтаксиса, этносемантики, культурологии, философии. Повышенный интерес к этой теме, по-видимому, вызван особой значимостью концепта судьбы для русского менталитета. Современные лингвокультурологические исследования показывают, что слова «судьба», «душа», «тоска» являются ключевыми для понимания сущности русской нации. Размышления над судьбой – это обращение к вопросам, вечно волнующим человека: для чего мы живем, кто руководит нами – наша собственная воля или нечто высшее, творим ли мы сами свое будущее или же лишь исполняем то, что нам предначертано? Попыткой ответить на них станет данная статья.

Базовые работы, посвященные теме судьбы, были написаны ещё в прошлом веке. В исследованиях А.А.Потебни «О доле и сродных с ней существах» [8], А.Н.Веселовского «Судьба-доля в народных представлениях славян» [2] была рассмотрена этимология слов «Бог», «часть», «участь», «доля», «судьба», связь этих понятий с мифологическими персонажами, проведены параллели с различными традициями в синхронии и диахронии. Основные положения, высказанные этими авторами, до сих пор сохраняют научную ценность. На этой базе строятся исследования многих современных авторов, интересующихся вопросом судьбы. В последнее время к этой проблеме обращались Т.В.Цивьян [15], С.Е.Никитина [7], М.Л.Ковшова [6], О.А.Седакова [9; 10], Н.И. и С.М. Толстые [10; 11; 12; 13].

Этимологически существительное «судьба» восходит к глаголу «судить», и «доля», соответственно, к «делить», при этом предполагается, что субъектом совершающим эти действия, выступает некая высшая сила. По мысли С.М.Толстой, «судьба мыслится как результат некоторого действия, причём действия завершённого, законченного...» Отсюда мотив предопределенности судьбы: «То, что уже состоялось, нельзя предотвратить» [11, с. 143]. Представление о судьбе «нареченной», «предначертанной» раз и навсегда находит отражение во множестве фольклорных жанров, среди которых сказки, былички, причитания, пословицы, приметы и гадания. В роли «высшей силы» – подательницы судьбы в славянской традиции по различным трактовкам и в зависимости от жанра могут выступать Бог, Род и Рожаницы, Суженицы-Орисницы, сама персонифицированная Судьба и Усуд (фигура, появляющаяся в южнославянских сказках). Наречённое ими не подлежит изменению, а попытки каким-либо образом воздействовать на полученную долю неизменно приводят к негативным последствиям [7, с. 133]. При таком понимании судьбы мы неизбежно сталкиваемся с понятием доли, которая выступает в данном случае как часть общей судьбы, судьба конкретного человека. Однако доля – это не всегда просто участь, данная человеку. В некоторых сюжетах она сближается по значению с мифологическим персонажем и приобретает собственную активность: Недоля, Лихо преследуют человека, Счастье, Доля работают за него. Долю можно встретить, обрести [8, с. 362]. Представления этого типа лежат в основе южнославянского концепта «сречи», т.е. доли, связанной с понятием «встреча». При таком положении вещей и сам человек из пассивного объекта действия судьбы превращается в субъект: наряду с тем, что недоля может «привязаться», от неё же можно избавиться, например, обманув, свалить в яму и придавить камнем. То есть доля понимается как нечто, чего можно избежать. А.Н.Веселовский считал такое представление о доле и о судьбе, которой управляет сам человек, более поздним образованием по сравнению с судьбой, раз и навсегда определенной «высшими силами» [2, с. 211].

Необходимо упомянуть и ещё об одном значении доли, на которое обращает внимание в своей работе О.А.Седакова.

Она предлагает рассматривать долю как «бесповоротно предопределенный срок и характер отдельной жизни, в частности, удачу человека и его достаток». В этом значении слову «доля» оказывается синонимом «век» как жизненная сила (*veikъ < *vei-/*voi) и «время расходования жизненной потенции» [9, с. 54-55]. При нормальном положении вещей смерть приходит только тогда, когда человек «избыл свой век». Смерть раньше срока не дает умершему покинуть землю, превращает его в заложного покойника, слишком же долгий век является знаком того, что человек расходует уже не свою, а чужую жизненную силу.

Таковы основные значения понятий «доля» и «судьба», которые можно встретить в народной духовной культуре.

После общего знакомства с терминологией работы можно перейти к анализу представлений о судьбе-доле в гаданиях.

В комплексе гаданий, собранных в ст. Раздорской, хуторах Каныгине и, Крымском, присутствует представление о предначертанности судьбы, что проявляется как на уровне отдельных используемых словоформ, так и на уровне семантики. Так, наименования жениха «наречённый», «суженый-ряженный», используемые как в гаданиях, так и в свадебной обрядности, свидетельствует об отношении к жениху как к предназначенному и определённом свыше.

Значимо употребление информантами при описании гаданий таких конструкций, как «узнать свою судьбу», «ходят судьбу спрашивают», «тетушка, скажи судьбу».

Наличие подобных формулировок предполагает понимание судьбы как ранее определённого, не подлежащего изменению и неизвестного спрашивающему знания. И гадание в этом случае становится способом приобщения к этому знанию, что возможно только при создании обрядового контекста. Схема «приобщения к знанию» сближает гадание с загадками. Одна из функций загадок – дидактически-учительная, в терминологии В.Н.Топорова, заключается в передаче «овеществленно-конкретного» знания о мире от старшего поколения к младшему и формировании с помощью загадок целостных представлений о мире [14, с. 70]. Таким образом, идиоме «угадать судьбу» становится синонимом «получить знание о судьбе», при этом гадающий не преследует цель как-то повлиять на неё. Так, в одном из записанных в ст. Раздорской гаданий под окном девушке нарекли женихом «Николая». Но так как Николаев ей за всю жизнь не встретилось, «не попало», то она так и не вышла замуж [4]. Знаменательно то, что судьбой/богом нарекается в мужья не абстрактный жених, а совершенно конкретный человек. Он и составляет «судьбу» гадающей девушки, повлиять на которую она не может.

О том, что предначертанной судьбы не избежать, свидетельствуют и довольно распространенные гадания повитухи о судьбе будущего ребёнка. Судьба, увиденная ею через окно или узанная по каким-либо другим знакам, непременно сбывается [3, с. 15-17].

Так, в одном из распространённых сюжетов быличек о повитухах младенцу предсказывается смерть в колодце. И несмотря на то, что родители заранее знают причину смерти ребёнка, они не могут уберечь его, став взрослым, сын находит колодец без крышки и тонет в нём [3, с. 15-17].

Помимо общих представлений о предначертанности судьбы, в гаданиях мы встречаемся и с представлением о доле.

При исследовании комплекса гаданий мы наталкиваемся на параллельное существование одного и того же типа гаданий на разных этапах жизни человека. В качестве примера можно привести наречение младенца именем первого встречного и параллельное ему девичье гадание об имени суженого «по встречам».

Как в родильной обрядности, так и в святочных гаданиях присутствует мотив узнавания судьбы под окном. В первом случае это делает повитуха, а во втором – девушка, гадающая на жениха.

Общим является и способ гадания о профессии/характере младенца и жениха: по предмету, к которому потянется младенец, судят о том, кем ему быть. В девичьих гаданиях заместителем жениха выступает петух, перед которым раскладываются зерно, вода, зеркало, кольцо, иногда и некоторые другие предметы. О характере и способностях жениха при этом судят по тому, что клюнет петух (если хлеб – хлебобором будет, если пить начнёт – жених пьяницей будет, и т.д.).

Анализ приведенных выше гаданий показывает, что если при рождении определяется судьба самого младенца, то при гадании на замужество стараются определить характер жениха и только во вторую очередь – то, счастливой или нет будет дальнейшая судьба девушки. При этом понятия «хороший муж» – «хорошая жизнь», «плохой муж» – «плохая жизнь» становятся синонимами: «Эта мы так авечик хадиле задам лавили. Если паймаиш авечку, то эта плоха, а как баран – о-о, харашо, барана паймали. Ну как барана паймаиш, эта харошый муш, а как авечка – та, эта авечка – будит жызнъ плахая» (Алексеева Е.Ф.; записано нами. – Н.Е.). Таким образом, происходит дифференциация индивидуальной девичьей доли – до замужества и общесемейной доли – после замужества, которая для женщины часто тесно связана с долей супруга.

Деление жизни на «бабий век» и «девичий век» мы встречаем в пословицах: «Сорок лет – бабий (женский) век. Девке – век обыденный (сутки)», «Подруги косу плетут на часок, а сваха на век».

По мысли А.К.Байбурина, на свадьбе молодые наделяются новой долей, получая части обрядового хлеба, и таким образом приобщаются к сообществу всех, состоящих в браке [1, с. 80]. Что показательно, это символическое распределение доли тоже сопровождается гаданием, по тому, как разрезан хлеб, судят о счастье в новой семье: «Как хлеп резать, штоп ровна атрезала, знащить будит Ровная жись» (Шевская Н.И.; записано нами. – Н.Е.). Думается, что такое значение слов «век», «доля», как «жизненная сила, которую человек должен израсходовать», характерно для терминологии не только похоронного обряда, исследуемого О.А.Седаковой, но и для гаданий.

Для пояснения данного тезиса необходимо обратиться к комплексу народных представлений о безбрачии. Для традиции характерно отрицательное отношение к людям, не вступившим в брак по достижении брачного возраста, отстранение их от участия в некоторых обрядах. Они оказываются выключенными из социальной жизни, за границами сообщества, объединенного по принципу наличия некоей общей, «брачной» доли. Показательно и отсутствие для них в терминологии дифференциации по возрасту и полу (рус. молодец – применительно к молодым и старикам, укр. дівка – в отношении как молодых, так и пожилых «дев», твер., ярослав. девун – старая дева, старый холостяк) [5,147]. Это помещает «безбрачных» вне времени. Если обратиться к такой характеристике доли, как локализация её во времени (ср. у В.И.Даля: «Доля во времени живет, бездолье в безвремяе»), то старая дева или холостяк могут рассматриваться как «обездоленные», не имеющие доли.

В этой связи особую значимость приобретает болгарский ритуал пръстапулка и его связь с безбрачием. Пръстапулка – раздача калачей соседям в то время, когда ребёнок впервые начинает ходить. Если мать не совершит этот обряд, сын, выросши, не сможет жениться, останется холостым. Чтобы предотвратить безбрачие, взрослый сын должен исполнить этот обряд вместо матери [5, с. 148]. Данный пример позволяет предположить, что пока человек остаётся «бездольным» (здесь, возможно, тоже имеет смысл говорить о «разделении» хлеба как символе перераспределения доли), не включенным, таким образом, в свою социальную группу, он не может получить новую семейную долю. Исполнение обряда восстанавливает нормальное положение вещей, и, «избыв» досвадебный «век», молодой человек получает «право» жениться.

В случае же гаданий, для пояснения тезиса о безбрачии как своего рода обездоленности, представляет интерес троицкое гадание с венками, которое имеет разные толкования для девушки и замужней женщины: первой утонувший веноч сулит «сиденье в девках», а второй – смерть мужа или собственную смерть. Здесь положительное значение получает скорое замужество, а значит, получение новой доли. И такой порядок следования событий воспринимается как нормальный. Для замужней женщины – нормой будет продолжение жизни. Соответственно, смерть для замужней женщины – это своего рода прекращение действия доли, а «сидение в девках» для девушки может являться результатом ее обездоленности в принципе.

Итак, проанализировав комплекс гаданий Усть-Донецкого района, мы пришли к выводу, что представление о судьбе в гаданиях имеет основой общерусскую традицию, т.е. судьба рассматривается как предопределённая высшей силой и не подлежащая изменению. Что касается концепта доли, то в отношении женщины имеет смысл говорить о двух долях: добрачной и семейной, при этом доля будет выступать не только как счастье или несчастье в семье, но и как определённый срок жизни.

В дальнейшем представляется интересным обратиться к концепту мужской доли, определить её особенности по сравнению с женской долей.

Библиографический список

- [1] Байбурин А.К. Обрядовое перераспределение доли у русских // Судьбы традиционной культуры. СПб., 1998.
- [2] Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Судьба-доля в народных представлениях славян // Сборник ОРЯС имп. АН. 1890. Т. 46.
- [3] Власкина Т.Ю. Донские былинки о повитухах // Живая старина. 1998. № 2. 4. Власкина Т.Ю. Личный архив.
- [5] Гура А.В. Безбрачие // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И.Толстого. Т. 1. М., 1995.
- [6] Ковшова М.Л. Концепт судьбы. Фольклор и фразеология // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- [7] Никитина С.Е. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устно-поэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур.
- [8] Потеня А.А. О доле и сродных с нею существах // Символ и миф. М., 1998.
- [9] Седакова О.А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры // Погребальный обряд. М., 1990.
- [10] Седакова О.А., Толстая С.М. Загадки // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999.
- [11] Толстая С.М. «Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры // Понятие судьбы в контексте разных культур.
- [12] Толстая С.М. Судьба // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.
- [13] Толстой Н.И., Толстая С.М. Имя в контексте народной культуры // Славянское языкознание. Доклады российской делегации к 12-му международному съезду славистов. М., 1998.
- [14] Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. Ч. 1. М., 1994.
- [15] Цивьян Т.В. Человек и его судьба – приговор в модели мира // Понятие судьбы в контексте разных культур.